

Становые стратегии «индивидуального покроя» в новой ядерной доктрине США

Наталья Игоревна БУБНОВА

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., д. 23.
E-mail: NBubnova@imemo.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Бубнова Н.И. (2018) Становые стратегии «индивидуального покроя» в новой ядерной доктрине США // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 6. С. 21–39.
DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-6-21-39

АННОТАЦИЯ. Опубликованный в январе 2018 г. Белым домом «Обзор ядерной политики», называемый также американской ядерной доктриной, впервые за период после холодной войны возвращает ядерному оружию роль стержневого компонента в американской стратегии сдерживания. Новый «Обзор ядерной политики» делает заявку на «индивидуальную стратегию» в отношении каждой из стран, представляющих «вызов» для США в ядерной области. Однако при всем различии индивидуальных страновых подходов, в каждом конкретном случае выдвигается одинаковое утверждение об ответном характере разрабатываемых Вашингтоном мер.

Провозглашена линия на модернизацию стратегической триады, ввод в строй новых самолетов двойного назначения, оснащение баллистических ракет на подводных лодках боеголовками малой мощности, создание новых ядерных крылатых ракет морского базирования, а также усиление соответствующей системы управления, контроля и наблюдения. При этом новая расширенная трактовка «чрезвычайных обстоятельств», позволяющих отдать приказ о ядерном ударе, раздвигает диапазон исходных ус-

ловий, при которых американское руководство может принять решение об использовании ядерного оружия, в том числе в ответ на неядерное нападение, что – в совокупности с другими нововведениями американской ядерной доктрины: созданием нескольких «более применимых» типов ядерных вооружений, интеграцией ядерного и неядерного планирования и оперативной деятельности, возросшим вниманием к киберугрозам, провозглашением принципов «гибкости» и «неопределенности» – повышает вероятность применения ядерного оружия.

В международной ситуации, когда возвращение конкуренции великих держав расценивается в «Обзоре» как большая опасность миру, чем терроризм, Россия воспринимается за океаном как более насущная угроза в ядерной сфере по сравнению с Китаем, тогда как Китай рассматривается как крупнейший вызов в Азиатском регионе. Однако слово «противник» в отношении этих стран не используется, и подчеркивается желание поддерживать с ними стабильные отношения и не вступать в гонку вооружений.

Помимо «агрессивной российской политики», российских программ строительства вооружений и воинственных

заявлений, особую озабоченность Вашингтона вызывает превалирующее там представление, будто бы российская сторона считает, что если применит ядерное оружие первой, это может создать благоприятные для нее предпосылки для завершения конфликта на «выгодных» условиях. Купирование такого рода «установки» американская ядерная доктрина определяет в качестве приоритетной задачи.

По отношению к Ирану и Северной Корее выдвигаются схожие в обоих случаях требования обеспечить их безъядерный статус, не допустить усиления их влияния в Ближневосточном и Азиатско-Тихоокеанском регионах, предотвратить передачу от них третьим лицам и странам ядерных и ракетных технологий и материалов, убедительно продемонстрировать, что любая их агрессия, в том числе неядерная, встретит сокрушительный отпор США и их союзников.

Однако произошла своего рода рокировка: если администрация Барака Обамы отказалась от силового решения иранской проблемы и сделала ставку на переговоры с Ираном без предварительных условий, но параллельно предпочла тактику изоляции и игнорирования притязаний Северной Кореи, то теперь Белый дом неожиданно готов вести переговоры как раз с последней – при одновременном ужесточении курса уже в отношении Ирана.

Но именно подвижки в сторону урегулирования на Корейском полуострове, как и отдельные признаки сдержанности – или, скорее, «воинственной сдержанности» – в американской ядерной доктрине, дают некоторые основания надеяться, что – при наличии политической воли и международном взаимодействии – развития событий по наилучшему сценарию и дальнейшего обострения международной ситуации все же удастся избежать.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: американская ядерная доктрина, стратегия сдерживания, «Обзор ядерной политики США», «индивидуальные страновые стратегии», российско-американские отношения, ядерные вооружения, модернизация ядерного оружия, Китай, Северная Корея, Соглашение по ядерной программе Ирана, концепция «эскалации для деэскалации»

«Обзор ядерной политики» (ОЯП – NPR) – называемый иначе ядерной доктриной, подготовленный Пентагоном и выпущенный Белым домом в феврале 2018 г. – единственный из трех основополагающих американских стратегических документов (два других: «Национальная стратегия безопасности» и «Национальная стратегия обороны», приняты соответственно в декабре 2017 г. и январе 2018 г.), где прописана индивидуальная стратегия в отношении каждой из стран, представляющих, как считают за океаном, вызов для США в ядерной области. Хотя очевидно, что в отношении таких разных стран, как Россия и Китай, Северная Корея и Иран, политика США будет каждый раз своя, особенная, но впервые это именно так специально формулируется в американской ядерной доктрине. Используемые для именования этой страновой стратегии глагол *tailor*, существительное *tailoring* или прилагательное *tailored*, означающие «сделанное на заказ», «индивидуального покроя», «специально разработанное», упоминаются в документе 44 раза: применительно и к различным опциям «ограниченной ядерной войны» в зависимости от обстоятельств, и к различным страновым стратегиям. (Тогда как в предыдущем «Обзоре ядерной политики», выпущенном еще при администрации Барака Обамы в 2010 г., это слово не встречалось). Главы, относящиеся к «отдельным страновым страте-

гиям», даются в ОЯП даже дважды: сначала при характеристике международной ситуации, а затем – при описании того, «что делать». Причем в первом случае соответствующая часть документа была добавлена уже после «утечки» предварительного, подготовленного в Пентагоне, варианта текста на следующем этапе работы над ним в самом Белом доме, что, по всей видимости, свидетельствует о внимании к формулированию индивидуальных стратегий со стороны американской исполнительной власти на самом высоком уровне.

Основную угрозу миру, по мнению составителей ОЯП, представляет уже не международный терроризм, как это считалось при предыдущих администрациях, а возобновившаяся конкуренция великих держав, к которой, как указывается в документе, сейчас – помимо вновь вступившей в нее России – присоединился и Китай. Отмечается появление и новых вызовов в ядерной области, связанных с тем, что уже и некоторые другие страны стремятся к обладанию продвинутыми технологиями, включая военные технологии, которыми раньше располагали исключительно великие державы. Но хотя недопущение распространения ядерного оружия и технологий его производства также указывается в качестве важнейшей задачи Соединенных Штатов, страны-партнеры США, приобретшие ядерное оружие в последние десятилетия, в данном контексте, что характерно, не упоминаются.

Повторяется использованная в предыдущем ОЯП формулировка, что Соединенные Штаты «будут рассматривать возможность применения ядерного оружия в чрезвычайных обстоятель-

ствах, чтобы защитить жизненные интересы Соединенных Штатов, их союзников и партнеров» [NPR 2018, р. 21]. Но при этом, в отличие от прежнего документа, указывается, что «чрезвычайные обстоятельства» включают «значимые неядерные стратегические атаки, которые охватывают – но не ограничиваются ими – нападения на гражданское население США, их союзников или партнеров, а также нападения на американские ядерные силы, структуру управления и контроля, или системы предупреждения и оценки нападения» [NPR 2018, р. 21], в том числе акты ядерного терроризма. В отличие от стратегических документов периода администрации Барака Обамы, в ОЯП многократно подчеркивается и боевая роль ядерного оружия, «в том случае, если сдерживание не сработает» [NPR 2018, р. 32].

При этом, как многократно отмечается в документе, Вашингтон по-прежнему намеренно не отказывается от варианта применения ядерного оружия первым, чтобы таким образом сохранить за собой свободу рук и преимущество неопределенности. Но при этом в документе – вопреки обвинениям иных российских политологов и пропагандистов – нигде не говорится о желательности подобного рода событий и, напротив, подчеркивается неприемлемость ядерной войны как таковой и нежелание американской стороны быть втянутой в нее. Как и в принятой в 2010 г. американской «Национальной стратегии безопасности», в новом ОЯП повторяется обязательство «не использовать ядерное оружие или угрозу его применения против тех неядерных государств, которые соблюдают Договор о нераспространении и

1 Евстафьев Д. в передаче «Вечер с Владимиром Соловьевым» (2018) // Россия-1. 21 февраля 2018 // <http://mirnews.ru/video/22018-vecher-s-vladimirom-solovevym-ot-21022018.html>, дата обращения 30.11.2018.

свои обязательства по нему» [National Security 2010, p. 23].

В документе указываются 30 стран «под защитой» США в рамках «расширенного сдерживания» и подтвержаются американские ядерные гарантии союзникам по НАТО (так называемый «ядерный зонтик»). Но в документе на треть реже, чем в аналогичном предыдущем, используется слово «партнеры», что связано также и с тем, что Россия выпала из данной категории.

Россия: из партнеров в конкуренты – шить заново по старой модели, и с перехлестом

Как и во всех трех основополагающих американских стратегических документах последнего времени, в ОЯП фактически фиксируются отношения противостояния с Россией. Но в отличие от двух других основополагающих стратегических документов, только в «Обзоре ядерной политики» в паре «Россия и Китай» она неизменно ставится на первое место – что обозначает ее роль в качестве по-прежнему основного американского контрагента в ядерном паритете сил.

Характерно в этой связи, что первый раздел соответствующей главы посвящен России, а раздел про взаимоотношения с Китаем поставлен на второе место: в целом в документе Россия упоминается в четыре раза чаще, чем ее большой сосед: Россия – 125, а Китай – 43 раза. Однако это нужно считать не только признанием ее значимости в ядерной сфере, но и отражением того, что она воспринимается в США в качестве главного вызова и предмета озабоченности в данной области.

Если основной упор в предыдущем «Обзоре ядерной политики» 2010 г. делался на поддержание стратегической

стабильности в мире и стабильности в отношениях с Россией (слово «стабильность» наиболее часто употреблялось, когда речь шла о России), то теперь – хотя о стремлении к стабильности отношений тоже упоминается – речь гораздо чаще идет о противодействии России, которая, как считают составители нового ОЯП, стремится поменять мировой порядок, угрожает соседним странам, допускает провокационные действия в отношении США и их союзников. «Россия продемонстрировала готовность использовать силу для изменения карты Европы и навязывания своей воли соседям, допускала подразумеваемые и открытые угрозы первого ядерного удара» [NPR 2018, p. 5], – говорится в ОЯП. А в «Национальной стратегии обороны», и того пуще, указывалось, что «Россия хочет сформировать мир в соответствии со своей авторитарной моделью, получив вето на решения других стран в области экономики, дипломатии, безопасности» [Summary of the National Defense Strategy 2018, p. 2].

Действия США преподносятся в ОЯП как вынужденные, предпринимаемые «в ответ» на «агрессивную политику» российской стороны и наращивание ею вооружений. Во врезке приводится цитата из датированного 2012 г. отчета американского Совета по национальной разведке: «Ядерные амбиции США и России на протяжении последних двадцати лет развивались в противоположных направлениях. Целью США является снижение роли ядерного оружия в стратегии национальной безопасности, тогда как Россия принимает на вооружение новые концепции и системы для расширения роли ядерных вооружений в своей стратегии безопасности» [NPR 2018, p. 9]. Однако против этой цитаты уместно было бы поставить, как это делалось в советских словарях, пометку «устар.» – поскольку

документ, где действительно провозглашалась такая американская установка, был выпущен еще при предыдущем президенте, а в настоящее время снижение роли ядерного оружия в стратегии национальной безопасности уже отнюдь не является целью США.

В соответствии с преобладающей в американском экспертно-аналитическом сообществе точкой зрения, в ОЯП предстает картина мира и история после Второй мировой войны. По ходу воспроизведения цепочки исторических событий все время говорится об «американском сдерживании»: как будто бы это только Советский Союз и потом Россия угрожали, а Соединенные Штаты, и только они, «сдерживали» [NPR 2018, р. 17]. Вместе с тем всемерно подчеркивается роль ядерного оружия в этом сдерживании и указывается, что после его появления количество жертв в войнах многократно сократилось (приведен соответствующий график в подтверждение данного тезиса). Таким образом, в том числе, обосновывается возвращение в американскую стратегию «сдерживания», в качестве ее основного компонента, опоры на ядерное оружие.

Против российской стороны выдвигается ряд обвинений, которые, как сказано в ОЯП, «в совокупности со вторжением России в Крым и ядерными угрозами против наших союзников, обозначают беспорядочный возврат к ситуации конкуренции между великими державами».

- За счет модернизации «наследия» советского ядерного арсенала Россия увеличила и продолжает наращивать возможности по доставке полезного груза ядерных боеголовок и приобрела способность быстро увеличить количество развернутых боеголовок.
- Несмотря на выполнение условий Пражского договора по СНВ, Рос-

сия сохранила в арсенале много нестратегических ядерных вооружений.

- Российская сторона модернизирует нестратегические ядерные вооружения и стратегические ядерные системы (упомянуты почти все системы, месяц спустя фигурировавшие в послании российского президента Федеральному собранию; специальный абзац посвящен российским автономным подводным ядерным торпедам с высокомогучной боеголовкой, о которых в США сообщали и раньше, но впервые – в официальном документе).
- В России, как и в Китае, разрабатываются системы вооружений, предназначенные для ограничения и воспреещения доступа и маневра (anti-access and area denial – A2AD, A2/AD) – в том числе в укрепленных подземных бункерах, – с целью противодействия американским высокоточным неядерным вооружениям и повышения для Соединенных Штатов стоимости мер по усилению потенциала их европейских и азиатских союзников и партнеров.
- Россия обладает значительным преимуществом в производственных мощностях по изготовлению ядерных вооружений по сравнению с Соединенными Штатами и их союзниками.
- «Москва угрожает применением первой ядерной силы и практикует это [NPR 2018, р. 30]» [?! – Н.Б.; явная оговорка, требующая более точного словоупотребления]; в «русской стратегии и доктрине подчеркивается потенциально принуждающее и военное использование ядерного оружия» [NPR 2018, р. 8], включая концепцию «ядерной эскалации для достижения успеха»

и «доктрину применения тактического ядерного оружия».

Что касается последнего, то очевидно, что речь идет о так называемой концепции «эскалации для деэскалации»: применения ядерного оружия в конвенциональном конфликте с целью его прекращения на выгодных для себя условиях. Указывается, в частности, что «недавние российские заявления по поводу меняющейся доктрины, связанной с ядерным оружием, создают впечатление о понижении порога для применения ядерного оружия» [NPR 2018, р. xii]. Подчеркивается, что «через многие испытания и заявления Россия демонстрирует свое представление о преимуществе, создаваемом этими системами» [NPR 2018, р. xii]. Задача исправить это «неправильное российское представление» называется «стратегическим императивом» [NPR 2018, р. xii]. В документе говорится, что российская сторона может посчитать, что у нее есть тактическое преимущество в связи с наличием большего разнообразия ядерных вооружений и особенно потенциала «ограниченного ядерного удара». И что Америка должна отреагировать аналогичным образом, заменив свои системы вооружений на более «гибкие». Такая установка, считает известный критик Трампа американский писатель и журналист Мэтт Тэйбби, делает новую американскую ядерную доктрину «настолько плохой, насколько это только возможно»: «Самый страшный абзац в ОЯП предназначен для разъяснения невероятной частоты, с какой в этом объемном документе используется одно слово: гибкость»², – утверждает Тэйбби, насчитавший 38 случаев его употребления.

Эта концепция так называемой «эскалации для деэскалации» очевидно «зацепила» и «проняла» составителей «Обзора»: к ней более десятка раз дается прямая или косвенная отсылка в тексте. Но от этого утверждения о якобы существующей в России приверженности ее положениям не становятся более убедительными. В действительности концепция «эскалации для деэскалации» за последние полтора десятилетия (с 2003 г., когда она была изложена в документе Министерства обороны [Актуальные задачи развития 2003, с. 42] ни разу не упоминалась в официальных документах Москвы или выступлениях российских руководителей, а высказывалась лишь отдельными военными теоретиками, причем как в России, так и в США, и ни в коем случае не была принята в качестве официальной российской стратегии. Она никак не согласуется с реальными российскими основополагающими стратегическими документами, где конкретно указано, что ядерное оружие может быть использовано только в ответ на ядерное нападение на Россию или ее союзников или же в ответ на массированное неядерное нападение, когда под угрозой находится само существование государства.

Принятию за данность мнения об «эскалационной приверженности» российской стороны, впрочем, не могли не способствовать и многократные намеки на возможность использования ядерного оружия, допускаящиеся российскими политическими деятелями и политологами. В президентском послании Федеральному собранию 1 марта 2018 г. также использовались видеоролики (как потом выяснилось, один из анимационных филь-

2 Taibbi M. (2018) Thinking on Nukes Is Insane and Ignorant // Rolling Stone, February 9, 2018 // <https://www.rollingstone.com/politics/news/taibbi-donald-trump-on-nukes-is-insane-ignorant-w516568>, дата обращения 30.11.2018.

мов был изготовлен еще в 2007 г.), в которых российские ядерные боеголовки наносят удар по Флориде. Официальная реакция в Вашингтоне свелась к сдержанному комментарию, что подобные демонстрации не являются поведением ответственного международного игрока³. Однако, несомненно, и подобные выступления, и укоренившееся за океаном мнение о готовности России к «эскалации для дэскалации» влияют на американские ядерные программы, подталкивая гонку вооружений.

Вашингтон собирается заменить МБР на 400 новых, поставить на вооружение более современные бомбардировщики, развернуть 12 перспективных подводных лодок «Колумбия» взамен имеющихся четырнадцати класса «Огайо» (в период холодной войны у США было 41 стратегических подводных ракетносцев), создать новые ядерные крылатые ракеты морского базирования, которые при администрации Обамы предназначались к ликвидации как класс [NPR 2010, р. xiii]⁴, приобрести новые крылатые ракеты воздушного базирования Long Range Standoff (LRSO) и гравитационные бомбы B61-12 со способностью самонаведения. Пентагон планирует также поддерживать запас резервных ядерных боезарядов, которые «в случае необходимости» могут быть развернуты на МБР, БРПЛ и бомбардировщиках. Будет создан модифицированный маломощный вариант ядерных боеголовок для баллистических ракет на подводных лодках

(БРПЛ), а затем разработаны совершенно новые маломощные боеголовки для БРПЛ. При этом, однако, как оговаривается в ОЯП, общее число боеголовок на БРПЛ не увеличится, поскольку адаптированные, а затем новые боеголовки будут ставиться взамен существующих более мощных. Некоторые американские издания и отдельные эксперты истолковали ОЯП таким образом, что будут созданы маломощные боеголовки также и для крылатых ракет морского базирования – но в тексте самого документа об этом не говорится.

Хотя в ОЯП подчеркивается, что маломощные боеголовки на БРПЛ «не предназначены для создания способности ведения ядерной войны и не способны сделать этого» [NPR 2018, р. 54], многие критики документа отмечают опасность такого рода планов, делающих ядерную войну более «приемлемой». Этому посвящены ряд статей в журнале «Bulletin of the Atomic Scientists», об этом же писали президент «Фонда Плаушерз» Джордж Сиринсьоне, профессор Колледжа Хэмпшира Майкл Клэр, содиректор программы по глобальной безопасности Союза обеспокоенных ученых Лизбет Гронлунд и многие другие.

Вашингтон продолжает стремиться к поддержанию глобального доминирования. Не случайно в эпиграфе ко второй главе использована цитата начальника военно-морских операций адмирала Джона Ричардсона из руководства для ВМФ, вышедшего под характерным названием «План действий по сохране-

3 State Department Daily. State Department Spokesperson Heather Nauert Fielded Questions from Reporters on a Range of International Issues Confronting the Trump Administration (2018) // C-Span, March 1, 2018 // <https://www.c-span.org/video/?441941-1/heather-nauert-briefs-reporters-state-department&live&vod>, дата обращения 30.11.2018.

4 Хотя администрация Барака Обамы предполагала завершить всю программу строительства «Томагавков» (в ядерном и неядерном оснащении), однако в апреле 2015 г. подкомитет по вопросам морской мощи и проецированию силы Комитета по вооруженным силам Палаты представителей США принял решение о восстановлении финансирования строительства 96 ракет «Томагавк» на те годы, в течение которых администрация планировала завершить свертывание программы (Cropsey S. (2014) Fate of the Tomahawk Cruise Missile // Hudson Institute, May 19, 2014 // <https://www.hudson.org/research/10295-fate-of-the-tomahawk-cruise-missile>, дата обращения 30.11.2018).

нию превосходства на море» [Richardson 2016]. Прорабатываются будущие варианты «передового базирования» с задействованием новейших самолетов двойного назначения F-35, крылатых ракет морского базирования и систем ПРО. Но стоит, однако, подчеркнуть, что при этом «прорывных» технологий не анонсируется, количественное увеличение стратегических носителей не предусматривается, а запланированные системы стратегической триады призваны заменить действительно отслужившие свой эксплуатационный срок. Четко артикулируется, что американская сторона не будет добиваться паритета с Россией в тактических ядерных вооружениях и наращивать их до уровня, сопоставимого с имеющимся у России.

Инфраструктура управления, контроля и коммуникаций в ядерной сфере также будет существенно укрепляться и меняться. При этом берется курс на интеграцию ядерного и неядерного планирования и оперативной деятельности. Одновременно будут усиливаться системы по противодействию кибератакам, и им тоже будет придаваться приоритетное значение. При этом немалую роль в том внимании, которое в новой ядерной доктрине уделено системам управления и контроля, по видимому, сыграл недавний просчет, когда в Соединенных Штатах, как там считают, не сумели предугадать, предотвратить и распознать кибервмешательство в американские выборы.

Многие аналитики с обеспокоенностью писали, что новая ядерная доктрина США предполагает возможность нанесения американского ядер-

ного удара в ответ на кибернападения, которым они могут подвергнуться в будущем. В ведущей американской газете «New York Times» вышла статья под заголовком «Пентагон предполагает противостоять разрушительным кибератакам с помощью ядерного оружия»⁵. Однако про возможность ядерного ответа на кибернападение напрямую в ОЯП не говорится, хотя в качестве предполагаемого повода («чрезвычайных обстоятельств») для использования ядерного оружия первыми, в соответствии с документом, указывается неядерное нападение со значительным поражением инфраструктуры страны, такой как национальная энергетическая система и наиболее уязвимые для кибероружия коммуникации.

Такого рода планы повышают опасность ядерного конфликта вследствие того, что кибероружие трудно фиксировать, трудно ограничивать, трудно установить факт его применения, трудно достоверно идентифицировать источник кибератаки. В этом плане выступавший в Москве президент американского Совета по международным отношениям Ричард Хаас, автор книги «Мир в раздоре» [Haass 2017], говорил, что кибероружие представляет большую проблему, чем ядерное⁶. И очевидно, что после скандала по поводу «российского вмешательства» резко сократились, если не сошли на нет, перспективы достижения двусторонних договоренностей по контролю над кибероружием, переговоры о чем велись несмотря на обострение отношений.

Отсылки к возможному возобновлению переговоров по ограничению

5 Sanger D.E., Broad W.J. (2018) Pentagon Suggests Countering Devastating Cyberattacks With Nuclear Arms // New York Times, January 16, 2018 // <https://www.nytimes.com/2018/01/16/us/politics/pentagon-nuclear-review-cyberattack-trump.html>, дата обращения 30.11.2018.

6 Haass R.N., Trenin D. (2018) Wither the U.S.-Russia Relationship // Carnegie Moscow Center, January 17, 2018 // <https://carnegie.ru/2018/01/17/whither-u.s.-russia-relationship-event-5792>, дата обращения 30.11.2018.

вооружений встречаются в документе не раз, хотя с перспективами в данной области связываются значительно меньшие ожидания, чем это было в предыдущем ОЯП времен президента Барака Обамы. Декларируется приверженность американской стороны конечной цели ядерного разоружения, но констатируется, что условия для этого в настоящее время отсутствуют и международная ситуация развивается не в благоприятном направлении. При этом утверждается, что именно Соединенные Штаты исторически выступали инициатором сокращения вооружений, но «другие за ними не последовали». Против России, в частности, в документе выдвигаются обвинения, что она отказалась вести переговоры по тематике Пражского договора СНВ (в действительности, первоначально это Дональд Трамп не поддержал разговор на данную тему во время первого телефонного контакта с Владимиром Путиным, ну а Путин «уже потом» также ответил отказом на предложение обсудить возможность дальнейшего сокращения ядерных вооружений), нарушает Договор о вооруженных силах и вооружениях в Европе, Договор об открытом небе, Президентские ядерные инициативы начала 1990-х гг. и «селективно интерпретирует» или вовсе не соблюдает более широкие общеполитические документы: Венские договоренности, Будапештский меморандум, Хельсинкские соглашения.

В документе особо подчеркивается тезис о «продолжающихся российских нарушениях Договора РСМД». Есть специальный раздел «про это», добавленный в подготовленный Пентагоном исходный вариант документа уже после того, как он поступил на рассмотрение в Белый дом – что, по-видимому, свидетельствует о политической значимости данного тезиса для Вашингтона. Подчеркивается, что американская

программа разработки БРПЛ будет веским аргументом, который может побудить российскую сторону «вернуться к соблюдению» Договора РСМД, а США могут в этом случае пересмотреть решение относительно КРМБ. При этом обозначается готовность американской стороны продолжать выполнять условия других заключенных договоров и не возобновлять ядерные испытания (несмотря на нежелание ратифицировать Договор о всеобъемлющем запрещении испытаний ядерного оружия).

При всех вышеупомянутых «натяжках» и «перегибах» ОЯП – впрочем, весьма характерных для американских аналитических материалов, хотя и отражающих реальные опасения по поводу российских действий и намерений, – многие американские эксперты считают его «сдержанным». Вне зависимости от того, соглашаться ли с этой оценкой, документ действительно транслирует в первую очередь позицию составлявших его военных, а не тех членов политического истеблишмента, для которых Россия после Крыма, Украины и скандала с хакерскими атаками стала воплощением зла. Нигде – ни в одном из трех американских основополагающих документов «Национальной стратегии безопасности», «Национальной стратегии обороны», «Обзоре ядерной политики» – Россия напрямую не именуется «противником», вопреки многочисленным утверждениям российских политиков и политологов. Разве что косвенно, как, например, в следующем пассаже ядерной доктрины, где, когда речь идет о «противнике», Россия хоть и не называется, но явно подразумевается: «Чтобы американское сдерживание было эффективным против возникающего спектра угроз и обстоятельств, вооруженные ядерным оружием потенциальные противники должны представлять себе, что их угрозы ядерной эскалации не позволяют им свободно осуществлять

неядерную агрессию» [NPR 2018, p. 21]. Или в «Национальной стратегии безопасности», где упоминаются «враждебно настроенные страны». Однако при этом в ОЯП, где формулировки в целом мягче (может быть потому, что ядерная сфера наиболее опасна, а Россия в ней сильна), чем в «Национальной стратегии безопасности» и в «Национальной стратегии обороны», – подчеркивается, что Соединенные Штаты не хотят рассматривать Россию и Китай в качестве противников, а стремятся к стабильным отношениям с ними.

Китай – «великоразмерный вызов» Соединенным Штатам в Азии

В ОЯП подчеркивается, что Соединенные Штаты после холодной войны вывели из Азиатского региона все свои ядерные вооружения наземного базирования и, предоставляя гарантии ядерного сдерживания союзникам, опирались на стратегические наступательные силы и крылатые ракеты морского базирования. При этом в документе нигде не упоминается о декларированном предыдущей администрацией «американском развороте в азиатском направлении» (выделавшим в качестве приоритета Азиатско-Тихоокеанский регион и имевшим в первую очередь военную направленность): проблемы, связанные с противостоятелем с Россией в Европе и конфликтами на Ближнем Востоке, в значительной степени потеснили приоритетность того «поворота».

Между тем Китай, в соответствии с формулировкой ОЯП, представляет крупнейший вызов интересам США в Азии⁷ (но не с определенным артиклем

«the», а с неопределенным «a», поэтому используемое в ОЯП словосочетание «a major challenge» можно перевести и как «крупнейший», и как «один из главных» вызовов) [Бубнова 2017, с. 148–149]. Китай, утверждается в документе, занимает все более наступательную позицию в спорах с соседними странами, многие из которых являются союзниками и партнерами США, выдвигает территориальные претензии по отношению к ним, «наращивает силы для противостоятелю американским операциям по проецированию мощи в регионе и для воспрепятствования возможности и свободе действий США по защите интересов США [сохранена семантика оригинала. – Н.Б.], их союзников и партнеров» [NPR 2018, p. 32].

Обращает на себя внимание, что, в отличие от документов предыдущих американских администраций, применительно к Китаю дважды используется термин «сдерживание». Прежнее нежелание Вашингтона говорить о Пекине в контексте «сдерживания» связывали с превалировавшими представлениями о «недостаточном» ядерном арсенале Китая по сравнению с американским и отсутствию между Китаем и США стратегического паритета. Однако объем ядерного арсенала КНР, с одной стороны, достоверно не установлен и намеренно не декларируется Пекином, расценивающим фактор неопределенности как свой козырь, а с другой, может оказаться вполне сопоставимым с американским и российским, если учитывать не только стратегические ракеты, но и ракеты средней и малой дальности, и считать в совокупности все носители (а также боеголовки), в том числе и те, которые могут быть спрятаны в подземных тоннелях [Арбатов, Дворкин 2013, с. 40–41]. Воз-

7 Подробно о военно-политическом противостоятелю США и Китая см.: [Краузе 2016, с. 34–35, 40–49; Кашин 2016].

можно, впрочем, что появление слова «сдерживание» применительно к Китаю связано не с намеренным изменением стратегии в отношении этой страны, а с «естественным ходом» событий и меняющимся восприятием восточно-азиатского гиганта по мере увеличения его потенциала, в том числе военного. Нынешнее изменение вокабуляра может быть также вызвано отсутствием прецедентов в американских ведомствах, ведающих выработкой соответствующей терминологии.

В ОЯП заявлено, что Соединенные Штаты готовы «решительно отразить китайскую неядерную и ядерную агрессию» [NPR 2018, р. 32]. Эта готовность, декларируется в документе, демонстрируется как американскими учениями в Азиатско-Тихоокеанском регионе, так и «увеличением диапазона градуированных опций ядерного ответа в распоряжении президента» [NPR 2018, р. 32]. Речь, по-видимому, идет, в том числе, и о тех самых боеголовках малой мощности, которые собираются поставить на баллистические ракеты на подводных лодках. Если подобное предположение верно, то принятием на вооружение боеголовок малой мощности, очевидно, собираются убить двух зайцев: ответить на предполагаемую «российскую доктрину ядерной эскалации для деэскалации» и «укрепить убедительность американской стратегии сдерживания и улучшить способность эффективного ответа на ограниченное использование Китаем ядерного оружия, если сдерживание не работает» [NPR 2018, р. 32]. При этом подчеркивается заинтересованность США в развитии значимого диалога с Китаем по вопросам ядерной политики и сотрудни-

чества по поддержанию мира и нежелание вступать в гонку вооружений в Азиатско-Тихоокеанском регионе с Китаем или же с Россией.

Однако возрастающая изоляция России и усиливающееся американское давление на Китай, в том числе принятые Вашингтоном уже после выхода в свет «Обзора» решения сначала о таможенных пошлинах на сталь и алюминий, за которыми последовало введение пошлин на китайские товары стоимостью 50 млрд долларов, а затем еще на 200 млрд долларов, вкуче с антииранскими санкциями, затрагивающими и Россию с Китаем, объективно подталкивают Пекин и Москву к дальнейшему взаимному сближению. «Сбывается ли самый страшный кошмар Америки? Формируется ли альянс Россия–Китай?»⁸ – вопрошалось в заголовке статьи, вышедшей в американском аналитическом издании «National Interest». При этом по-прежнему остается открытой проблема непрозрачности китайского ядерного потенциала, вызывающая беспокойство как в США, так и в России, и не создается побудительных мотивов для вовлечения этой страны в процесс ограничения ядерных вооружений.

Северная Корея: примеряя лекало «сдерживания» ...но уже не «огня и ярости»?

В отношении Кореи американская позиция в ОЯП представлена как реакция на агрессивность и непредсказуемость Пхеньяна (документ вышел еще до заявления Ким Чен Ына об отказе от своей ядерной программы, межкорейских и северокорейско-американских

8 Majumdar D. (2018) Is America's Greatest Fear Coming True? Is a Russia-China Alliance Forming? // National Interest, April 4, 2018 // <https://nationalinterest.org/blog/the-buzz/americas-greatest-fear-coming-true-russia-china-alliance-25222>, дата обращения 30.11.2018.

встреч и достигнутых там договоренностей).

Указано, что КНДР в нарушение международных договоренностей осуществляла курс на создание ядерного оружия и баллистических ракет, угрожала своим соседям и США: «Северная Корея открыто заявляет, что ее ракеты предназначены для нанесения ядерных ударов против городов США, Южной Кореи и Японии». При этом, естественным образом, не упоминается непоследовательность и зачастую провокативность политики самой американской стороны, демонстрировавшиеся Вашингтоном по мере развития «северокорейской ядерной проблемы» и истории переговоров с Пхеньяном. И нигде не говорится о том, что целью Пхеньяна может аналогичным образом быть «сдерживание» США, недопущение американского нападения на страну. Особые опасения США, сообщалось в ОЯП, связаны с тем, что обширные ядерная и ракетная программы Пхеньяна предполагали создание потенциала для применения первыми ядерного оружия в поддержку действий обычных вооруженных сил. В качестве еще одного предмета озабоченности обозначена возможность незаконного экспорта из КНДР ядерного оружия и оружейных материалов, баллистических ракет и связанных с ними технологий – угроза так называемого «горизонтального» ядерного распространения (в качестве примера «из прошлого» упоминаются северокорейские экспортные поставки баллистических ракет и деталей к ним в несколько стран, включая Иран и Сирию, и помощь Пхеньяна в строительстве ядерного реактора в Сирии, впоследствии уничтоженного ударом израильской авиации в 2007 г.). Приобретение КНДР ядерного оружия, указывается в документе, также побуждает соседние неядерные страны озаботиться состоянием своей националь-

ной безопасности и – вследствие угрозы со стороны Пхеньяна – задуматься, в том числе, о возможной целесообразности приобретения собственного ядерного потенциала.

Главный упор в ОЯП делается на «неизменную цель США», заключающуюся «в полном, поддающемся верификации и необратимом ядерном разоружении Корейского полуострова» [NPR 2018, р. 32]. Говорится также о недопустимости северокорейской ракетной программы. И утверждается, что любая северокорейская ядерная атака против США или их союзников и партнеров неприемлема и приведет к концу режима (о том, какие средства будут задействованы в ответ на гипотетическое нападение со стороны КНДР с применением обычного оружия, не упоминается). Кроме того, указывается, что Пхеньян «призовут к ответу» за любые действия по передаче ядерных технологий, материалов и чертежей третьему государству или негосударственному актору.

Любопытно при этом, что в отношении Северной Кореи используется термин «сдерживание». Тогда как применительно к Китаю в Вашингтоне, как указывалось выше, долгое время отказывались рассматривать концепцию «сдерживания», считая его ядерный потенциал «недостаточным», чтобы ставить эту страну на одну доску с Соединенными Штатами. Это уже само по себе можно рассматривать как своего рода достижение северокорейского режима, признание, пусть и со знаком минус, его влияния и силы. Интересно и то, что именно применительно к Северной Корее говорится о наличии там подземных тоннелей (на подобные китайские сооружения редко ссылаются в американских документах), где могут скрытно базироваться корейские ракеты, – и подчеркивается, что эти объекты будут обязательно поражены в слу-

чае вооруженного конфликта. В этом плане показательное – «под камеры» – разрушение северокорейской стороной собственного ядерного полигона с бункерами, предпринятое в качестве одной из первых мер «навстречу» США в присутствии специально привезенных иностранных журналистов, можно рассматривать как удачный PR-ход, вымостивший в череде других дорогу к первому саммиту между Трампом и Ким Чен Ыном.

Соединенные Штаты, говорится в ОЯП, «будут иметь оборонительные и наступательные вооружения для перехвата северокорейских ракет, чтобы ограничить или предотвратить способность Северной Кореи нанести эффективные ракетные удары» [NPR 2018, р. 33]. При этом подчеркивается необходимость поддержания способности в случае решения о военной операции вывести из строя северокорейские ракеты до старта и указывается на важность координации позиции по северокорейской проблеме с Японией и Южной Кореей.

Но ничто в ОЯП не предвещало возможности «разворота над Тихоокеаном», который произошел уже после публикации документа в политике Белого дома, согласившегося – после переговоров между Северной и Южной Кореей на полях Олимпийских игр в Пхеньчхане и состоявшихся там же неформальных встреч сотрудников американских спецслужб с северокорейскими представителями – на встречу с корейским лидером (в начале апреля прошла тайная встреча Ким Чен Ына с тогда еще директором ЦРУ, но уже номинированным на пост государственного секретаря США Майком Помпео). А после подписания Пханмунчжомской декларации о мире и денуклеаризации Корейского полуострова Трамп поспешил увенчать себя лаврами миротворца, заявив, что сыграл главную

роль в процессе примирения. Но неизвестно, пойдет ли северокорейское руководство на еще бóльшие уступки навстречу позиции США, особенно учитывая их разное понимание «денуклеаризации» и уклончивое поведение северокорейской стороны по части исполнения прежних договоренностей, а также памятуя произошедшее с Ираком, Ливией, Сирией и иранский опыт, когда Вашингтон, подписав Соглашение по иранской ядерной программе, практически сразу же начал вводить новые санкции против ракетной программы Ирана, а после избрания Трампа потребовал пересмотра согласованных договоренностей и затем вышел из Соглашения. К тому же, отказываясь от Иранского соглашения, Вашингтон тем самым заведомо повышает планку для договоренностей с Пхеньяном, затрудняя выработку критериев, по которым «делку» можно признать успешной.

Иран: претензии по поводу Соглашения об иранской ядерной программе, предъядерного потенциала и ракетной программы

Как и в случае с Южной Кореей, в ОЯП приводятся угрозы Тегерана в адрес США, и действия американской администрации представлены как вынужденные и ответные. Кроме того, по мнению составителей документа, от Ирана исходит дополнительная угроза, связанная с возможностью ядерного распространения на Ближнем Востоке (как и случае с Северной Кореей применительно к Азиатско-Тихоокеанскому региону). Указывается, что Иран стремится к доминированию в регионе, «разрабатывает баллистические ракеты все большей дальности», «осуществляет агрессивную стратегию и действия по дестабилизации сосед-

них государств» и «сохраняет технические возможности и значительный задел, чтобы, в случае выхода из Соглашения по ядерной программе, в течение года создать ядерное оружие» [NPR 2018, р. 13].

Известно, что Дональд Трамп изначально называл соглашение «ужасным», «самым плохим в истории» и неоднократно в ходе избирательной кампании и став президентом, заявлял, что откажется от него. Но внутри администрации против выхода из соглашения, несмотря на резко негативное отношение к Ирану, выступали министр обороны Джон Мэттис совместно с тогда занимавшим должность государственного секретаря Рексом Тиллерсоном (изменившим свое первоначально отрицательное мнение по поводу договоренностей по Ирану) – который, однако, в середине марта был уволен. Лидеры европейских стран – союзников США тоже пытались убедить американского президента в целесообразности сохранять соглашение в силе (с возможными дополнениями), а многочисленные проверки МАГАТЭ подтверждали, что Иран добросовестно выполняет взятые на себя обязательства. Однако в ОЯП нигде не было сказано о приверженности США подписанному документу – что затем и подтвердилось действиями президента, объявившего о выходе из соглашения.

Американская стратегия сдерживания, утверждается в документе, «нацелена на обеспечение того, чтобы иранское руководство понимало: любое неядерное стратегическое нападение на Соединенные Штаты, их союзников и партнеров будет отражено и его цена значительно перевесит любые выгоды» [NPR 2018, р. 34]. При этом делается ставка на сочетание американских наступательных и оборонительных систем – то есть опять речь идет, в том числе, и об американских систе-

мах ПРО. Эти вооружения, указывается в ОЯП, должны быть усилены, чтобы отразить «растущие угрозы со стороны ракетной программы Ирана» [NPR 2018, р. 34]. Хотя в документе и не уточняется, что в ответ на предполагаемое иранское нападение планируется задействовать именно неядерные наступательные системы США, но ранее среди американских военных существовало отчетливое понимание, что «американские ядерные наступательные вооружения не могут быть показателем в иранском уравнении» [Perkovich 2010] – иными словами, что ядерного решения ядерной проблемы Ирана быть не может. Однако при выходе из соглашения США, а затем, возможно, и Ирана, опасность попытки военного решения проблемы и связанных с этим рисков, безусловно, возрастет.

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что в американской ядерной доктрине подвергся пересмотру провозглашенный когда-то Бараком Обамой курс на ядерное разоружение и на уменьшение роли ядерного оружия в американском стратегическом позиционировании. Опора на ядерное оружие возвращается в качестве главного столпа американской стратегии сдерживания. Провозглашены линия на модернизацию стратегической триады, ввод в строй новых самолетов двойного назначения, оснащение баллистических ракет на подводных лодках боеголовками малой мощности, которые многие считают «более применимыми», создание новых крылатых ракет морского базирования, а также усиление соответствующей системы управления, контроля и наблюдения. Между тем, по мнению академика Алексея Арбатова, возвращение ядерного компонен-

та в качестве стержневого компонента в американском военном позиционировании уменьшит роль противоракетной обороны и стратегических неядерных систем быстрого глобального удара [Толстухина 2018].

В отношении каждой из стран, с которыми у Соединенных Штатов имеются противоречия, в ОЯП подчеркивается ответный характер разрабатываемых Вашингтоном мер, но такая «презумпция невинности», что характерно, применяется только лишь для самого Вашингтона. В ОЯП, как и в других нормативных американских документах, утверждается, что новые американские военные программы являются вынужденной реакцией на меняющуюся международную ситуацию, новые стратегические вызовы и, в том числе и во все возрастающей мере, – на «агрессивную российскую политику», внешнеполитические действия и программы строительства вооружений, сопровождающиеся воинственными заявлениями с российской стороны. Россия воспринимается за океаном как более приоритетная угроза по сравнению с Китаем, тогда как Китай рассматривается как крупнейший вызов в Азиатском регионе. Особую озабоченность Вашингтона вызывает то, что, в соответствии с превалирующим за океаном представлением, российская сторона якобы исходит из того, что угроза ядерной эскалации или же действительное применение первой ядерного оружия будто бы может привести к «деэскалации» конфликта на благоприятных для России условиях, – эту предполагаемую российскую установку планируется купировать как за счет новых программ вооружения, так и путем специально проецируемой «гибкости» и «неопределенности» американских действий.

В свете дальнейшего ухудшения международной ситуации, продолжавшегося и уже после публикации ОЯП,

когда буквально каждую неделю происходило что-то, обрушивающее отношения России с Западом еще на ступеньку ниже: недопущение российских спортсменов под национальным флагом на Олимпийские игры из-за обвинений в допинге, скандал с обнаружением партии кокаина в школе на территории российского посольства в Аргентине, отравление бывшего российского двойного агента Сергея Скрипаля и его дочери Юлии в Великобритании, в котором власти королевства обвинили Москву, масштабная высылка российских дипломатов из европейских стран и США, сообщения о химической атаке в Сирии и последовавший затем воздушный удар США и других западных держав по сирийским объектам, череда американских санкций, – этот документ может стать не самым боевитым в ряду подобных нормативных актов, которым еще только предстоит увидеть свет.

Иран и Северная Корея (при некоторых подвижках в свете позитивного развития диалога по северокорейской проблеме) воспринимаются за океаном как страны, осуществляющие агрессивную политику, имеющие ядерные амбиции и разрабатывающие баллистические ракеты все большей дальности, представляющие военную угрозу для США и опасность распространения оружия массового поражения и технологий по его производству и доставке в соответственно Ближневосточном и Азиатско-Тихоокеанском регионах. В отношении обоих этих государств выдвигается требование обеспечить их безъядерный статус, не допустить усиления их влияния в регионе, предотвратить передачу от них третьим лицам и странам ядерных и ракетных технологий и материалов, убедительно продемонстрировать, что их любая, в том числе неядерная, агрессия неприемлема и вызовет сокрушительный отпор США и их союзников.

Однако если в период администрации Барака Обамы Вашингтон отказался от силового решения иранской проблемы и сделал ставку на переговоры с Ираном без предварительных условий, но при этом предпочел тактику изоляции и игнорирования притязаний Северной Кореи, то теперь, возможно, произошла своего рода рокировка, и Белый дом проявил готовность пойти на переговоры уже с последней. С одной стороны, движение к миру всегда лучше, чем топтание на краю пропасти, а переговоры лучше, чем угрозы. Но, с другой стороны, в очередной раз у стран, стремящихся к обладанию ядерным оружием, в связи с действиями США может усилиться мотивация к его приобретению в качестве инструмента страховки своей безопасности и выигрышного козыря для торга.

Присущая ОЯП некоторая неопределенность отражает провозглашаемую «гибкость» ядерной политики США и намеренное желание не раскрывать всех планов, чтобы сохранить преимущество «неясности» над потенциальным противником и таким образом якобы усилить потенциал сдерживания. Однако можно с определенностью констатировать, что – вопреки декларируемым целям – новая американская ядерная доктрина не повышает, а, напротив, снижает ядерный порог, размывая границы между обычной и ядерной войной и тем самым увеличивая риски последней. Критики документа обвиняют его составителей и Белый дом в провоцировании ядерной гонки, расширении вариантов использования ядерного оружия, опасном курсе на интеграцию ядерного и неядерного планирования и оперативной деятельности, расширении количества дополнительных сценариев, при которых возможен первый ядерный удар, что делает более вероятным реальное применение этого наиболее смер-

тоносного оружия. Но определенные признаки «сдержанности»: отсутствие установки на количественное увеличение ядерных вооружений и на достижение паритета по тактическим ядерным вооружениям; упоминание возможности размещения в Европе американских ядерных ракет; подтверждение отказа от возобновления ядерных испытаний; констатация готовности к мерам по контролю над вооружениями, хотя и в «осмотрительном» формате, а еще, более того, подвижки в сторону урегулирования противостояния на Корейском полуострове, дают некоторые основания надеяться, что при наличии политической воли и целенаправленных усилиях сторон, а также мерах по предотвращению опасных инцидентов – не только такого рода катастрофического сценария, но и «просто» дальнейшего ухудшения международной ситуации все же удастся избежать. При всей напористости и небеспристрастности США, их любви к силе и стремлении играть в одни ворота, там тем не менее не заинтересованы в войне, тем более ядерной, и ядерная область остается одной из немногих, про которую в американских официальных документах и экспертных заявлениях говорят как про возможную сферу сотрудничества в целях сохранения действующих режимов контроля над вооружениями и достижения новых договоренностей.

Список литературы

- Актуальные задачи развития Вооруженных сил Российской Федерации (2003). М.: Агентство «Военинформ».
- Арбатов А.Г., Дворкин В.З. (2013) Большой стратегический треугольник. М.: Московский центр Карнеги.
- Бубнова Н.И. (2017) Новая администрация США: военно-политические

вызовы // Россия и современный мир. № 1. С. 135–152.

Кашин В.Б. (2016) Развитие ядерных сил Китая: начало глубокой трансформации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 9. № 4. С. 76–93.

Краузе И. (2016) Оценка вероятности войны: сходства и различия между Европой в 1914 г. и Восточной Азией в 2014 г. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 9. № 4. С. 18–56.

Толстухина А. (2018) Новая ядерная доктрина США: опасности и возможности для России // Международная жизнь. 26 февраля 2018 // <https://interaffairs.ru/news/show/19396>, дата обращения 30.11.2018.

Haass R. (2017) *A World in Disarray. American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order*, New York: Penguin Press.

National Security Strategy 2010 (2010) // National Security Strategy Archive, May 27, 2010 // <http://nssarchive.us/national-security-strategy-2010/>, дата обращения 30.11.2018.

Nuclear Posture Review 2010 (NPR) (2010) // U.S. Department of Defense,

April 2010 // https://dod.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/NPR/NPR_FACT_SHEET_April_2010.pdf, дата обращения 30.11.2018.

Nuclear Posture Review 2018 (NPR) (2018) // U.S. Department of Defense, February 2018 // <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872877/-1/-1/1/EXECUTIVE-SUMMARY.PDF>, дата обращения 30.11.2018.

Perkovich G. (2010) *Nuclear Weapons and National Security – A New Strategy* // Carnegie Endowment for International Peace, April 7, 2010 // <http://carnegieendowment.org/2010/04/07/nuclear-weapons-and-national-security-new-strategy/3cjr>, дата обращения 30.11.2018.

Richardson J. (2016) *A Design for Maintaining Maritime Superiority* // United States Navy, January 2016.

Summary of the National Defense Strategy. Sharpening the American Military's Competitive Edge (2018) // U.S. Department of Defense // <https://dod.defense.gov/portals/1/documents/pubs/2018-national-defense-strategy-summary.pdf>, дата обращения 30.11.2018.

Trenin D. (2016) *Should We Fear Russia?* New York: John Wiley & Sons.

“Tailored” Country Strategies in the U.S. Nuclear Posture Review

Natalia I. BUBNOVA

PhD in History, Leading Researcher, Primakov Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) of the Russian Academy of Sciences. Address: 23, Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russian Federation. E-mail: NBubnova@imemo.ru

CITATION: Bubnova N.I. (2018) “Tailored” Country Strategies in the U.S. Nuclear Posture Review. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 6, pp. 21–39 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-6-21-39

ABSTRACT. *The new U.S. Nuclear Posture Review (NPR), published in January 2018, stipulates a “tailored” strategy towards each country which Washington sees as presenting a nuclear challenge to the United States. Yet each “tailored” strategy is based on the same reiterated assumption that the U.S. measures and programs are allegedly developed in response to external hostile actions. The NPR cites other countries’ aggressive behavior and military buildup as the reason to reinstitute the role of nuclear weapons as the key component of the U.S. deterrent, modernize the U.S. strategic triad and dual-capable aircraft, develop new small-yield warheads, create sea-launched cruise missiles, and reinforce the C3 systems to support all these. These initiatives go along with the new expanded understanding of “extreme circumstances” which allows for a U.S. nuclear response to a non-nuclear attack, as well as with other new features of the U.S. nuclear doctrine: the creation of “more usable” types of nuclear weapons, the integration of nuclear and conventional elements of planning and operations, the enhanced focus on cyber threats, and the prioritization of “flexibility,” “uncertainty,” and “hedging” – which all increase the danger of an actual use of nuclear weapons. The NPR presents Russia as a higher threat compared to China, while China – as a major challenge to the United States in the Asian re-*

gion. Yet the NPR does not call these two states “adversaries” and stresses the need to avoid confrontation and an arms race. Besides Russia’s “aggressive policies,” military programs and bellicose declarations, the NPR focuses on her alleged adherence to the concept of “escalation for de-escalation” – early first use of nuclear weapons to end a conventional conflict on favorable terms – a notion that the NPR sets to counteract. The requirements formulated by the NPR towards Iran and North Korea include ensuring their non-nuclear status, countering their growing influence in respectively the Middle East and Asia-Pacific regions, preventing the transfer of nuclear and missile technologies and sensitive materials to third parties and states, and convincingly demonstrating that their aggression, including a conventional one, would be met with resolute action by the United States and its allies. Yet, in a shuffle of a kind, opposite to how the Obama Administration renounced military solution to the Iran problem and chose negotiations with this country with no preliminary condition, – and at the same time preferred the tactics of isolating North Korea and disregarding its claims, – now it is with Seoul that Washington may engage, while simultaneously demonstrating a tough line towards Teheran. Yet the shifts towards a settlement on the Korean Peninsula, along with certain signs of restraint in

the NPR, offer some grounds to hope that – given political will and active international efforts – the worst-case scenarios and further deterioration of international situation may still be avoided.

KEY WORDS: *tailored approach, U.S. nuclear doctrine, deterrence, Nuclear Posture Review, U.S. military strategy, nuclear weapons, U.S.-Russia relations, nuclear modernization programs, China, North Korean nuclear problem, denuclearization of the Korean Peninsula, the Iran Deal, “nuclear escalation for de-escalation” concept*

References

- Aktual'nye zadachi razvitiya Vooruzhennykh sil Rossijskoj Federatsii* (2003) [Contemporary Tasks of the Development of the Armed Forces of the Russian Federation], Moscow: Agentstvo «Voeninform».
- Arbatov A.G., Dvorkin V.Z. (2013) *Bol'shoj strategicheskij treugol'nik* [The Great Strategic Triangle], Moscow: Carnegie Moscow Center. English version available at: http://carnegieendowment.org/files/strategic_triangle.pdf, accessed 30.11.2018.
- Bubnova N.I. (2017) Novaya administratsiya SShA: voenno-politicheskie vyzovy [The New US Administration: Military-political Challenges]. *Rossiya i sovremennyy mir*, no 1, pp. 135–152.
- Haass R. (2017) *A World in Disarray. American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order*, New York: Penguin Press.
- Kashin V.B. (2016) Razvitie yadernykh sil Kitaya: nachalo glubokoj transformatsii [The Development of Chinese Nuclear Forces: Start of a Deep Transformation]. *Outlines of Global Transformation: Politics, Economics, Law*, vol. 9, no 4, pp. 76–93.
- Krause J. (2016) Otsenka veroyatnosti vojny: skhodstva i razlichiya mezhdru Evropoj v 1914 godu i Vostochnoj Aziej v 2014 godu [Assessing the Danger of War: Parallels and Differences between Europe in 1914 and East Asia in 2014]. *Outlines of Global Transformation: Politics, Economics, Law*, vol. 9, no 4, pp. 18–56.
- National Security Strategy 2010 (2010). *National Security Strategy Archive*, May 27, 2010. Available at: <http://nssarchive.us/national-security-strategy-2010/>, accessed 30.11.2018.
- Nuclear Posture Review 2010 (NPR) (2010). *U.S. Department of Defense*, April 2010. Available at: https://dod.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/NPR/NPR_FACT_SHEET_April_2010.pdf, accessed 30.11.2018.
- Nuclear Posture Review 2018 (NPR) (2018). *U.S. Department of Defense*, February 2018. Available at: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872877/-1/-1/1/EXECUTIVE-SUMMARY.PDF>, accessed 30.11.2018.
- Perkovich G. (2010) Nuclear Weapons and National Security – A New Strategy. *Carnegie Endowment for International Peace*, April 7, 2010. Available at: <http://carnegieendowment.org/2010/04/07/nuclear-weapons-and-national-security-new-strategy/3cjr>, accessed 30.11.2018.
- Richardson J. (2016) A Design for Maintaining Maritime Superiority. *United States Navy*, January 2016.
- Summary of the National Defense Strategy. Sharpening the American Military's Competitive Edge (2018). *U.S. Department of Defense*. Available at: <https://dod.defense.gov/portals/1/documents/pubs/2018-national-defense-strategy-summary.pdf>, accessed 30.11.2018.
- Tolstukhina A. (2018) Novaya yadernaya doktrina SShA: opasnosti i vozmozhnosti dlya Rossii [The New U.S. Nuclear Doctrine: Dangers and Opportunities for Russia]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, February 26, 2018. Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/19396>, accessed 30.11.2018.
- Trenin D. (2016) *Should We Fear Russia?* New York: John Wiley & Sons.